

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.9>

UDC 811.111'286
LBC 81.432.1-006

Submitted: 12.05.2025
Accepted: 28.08.2025

REGIONAL VARIETY OF ENGLISH IN ALASKA: LINGUISTIC SPECIFICITIES ¹

Anastasia A. Vsevolozhskaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The understudied variety of English in Alaska (Alaskan English), which is spoken by Native Alaskans living in rural areas, is of great scientific interest, primarily due to its linguistic specificities as well as historical context and conditions of its emergence. The aim of the article is to reveal and analyse some of the linguistic traits of the Alaskan variety. The data used in the present study encompasses 73 transcribed semi-structured interviews that contain personal narratives of Native Alaskans of various ethnic origins and generations, whose language acquisition took place in different contexts. In particular, the narratives of Upper Kuskokwim Athabascans and the representatives of Kodiak Creole population have been analysed. The scrutiny reveals such characteristics of the regional variety of English in Alaska as the use of specific vocabulary, lack of differentiation between verb tenses, non-standard use of articles and number (singular and plural) indicators, double negation and the use of *never* as a marker of negation of a certain action in the past. The author advances a hypothesis on the influence of some sociolinguistic factors (in particular, language shift and the conditions of the English language acquisition) on the formation of the mentioned linguistic characteristics. The results contribute to a better understanding of the processes that enabled Alaskan English emergence and serve as a basis for future research into the language situation in the region.

Key words: Alaska, ethnocultural community, regional variety, English, language shift.

Citation. Vsevolozhskaya A.A. Regional Variety of English in Alaska: Linguistic Specificities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 120-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.9>

УДК 811.111'286
ББК 81.432.1-006

Дата поступления статьи: 12.05.2025
Дата принятия статьи: 28.08.2025

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА АЛЯСКЕ ¹

Анастасия Александровна Всеволожская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. Малоизученная разновидность английского языка на Аляске (Alaskan English), распространенная среди коренных жителей сельских районов территории, представляет значительный исследовательский интерес в силу специфических лингвистических характеристик, а также условий, способствовавших их формированию. Цель данной статьи состоит в установлении некоторых языковых особенностей аляскинского английского. Материалом для исследования послужили транскрипты полуструктурированных интервью, проведенных с представителями разных поколений и этнических групп аборигенных жителей, которые прошли различные пути усвоения английского языка: атабаски Верхнего Кускоквима и креольское население Кадьякского архипелага. В работе описаны основные черты английского языка коренного населения Аляски: специфическая лексика, неразличение временных форм глаголов, нестандартное употребление показателей числа и артиклей, случаи двойного отрицания и использование *never* в качестве маркера единичного отрицания в прошлом. Выдвинута гипотезы о влиянии различных социолингвистических факторов (в первую очередь языкового сдвига и условий усвоения английского языка) на формирование конкретных особенностей идиома. Полученные результаты вносят вклад в понимание процессов

формирования аляскинского английского и сопутствующих его появлению процессов, а также в дальнейшем изучение языковой ситуации в регионе.

Ключевые слова: Аляска, этноязыковое сообщество, региональная разновидность, английский язык, языковой сдвиг.

Цитирование. Всеволожская А. А. Особенности регионального варианта английского языка на Аляске // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 120–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.9>

Введение

Аляскинская разновидность английского языка (Alaskan English), до 1970-х гг. описываемая термином *Village English*, распространена в буше (сельской местности) среди представителей коренных народов, перешедших на английский в результате языкового сдвига, происшедшего после покупки Аляски США (подробно об этом см.: [Jones, Tarlow, 2013]). Явление, характеризующееся единым понятием «аляскинская разновидность», неомогенно, что обусловлено как взаимовлиянием различных языков, диалектов и социолектов, так и взаимодействием многих исторических, политических, лингвокультурных и других процессов в регионе [Barnhardt, 2001].

Аляскинский английский в процессе своего формирования и распространения занял место основного средства коммуникации на территориях региона, где исторически до продажи Аляски США преобладал аляскинский русский. После начала освоения Аляски российскими промышленниками в XVIII в., русская культура и язык имели большое влияние на аборигенных жителей (см.: [Jerabek, 2014]; [Голомидова, Сабуров, 2016; Znamenski, 1998; Петров, 2016; Шеина, Сидорина, 2020]). В частности, лексика их языков обогащалась словами, имеющими отношение к торговле, ресурсам и разнообразным материальным объектам [Oswalt, 1963; Burch, Correll, 1972; Handbook..., 1981; McClellan, 1964]. Отметим, что многие из промышленников происходили из Сибири и владели не стандартным русским языком, характерным для их времени, а диалектными и социолектными вариантами русского, распространенными в родной для них местности; это также повлияло на аляскинский русский. Несмотря на то, что мужчины первыми сталкивались с новым для территории языком, местные женщины через смешанные браки с русскими переселенцами способствовали закреп-

лению многоязычия в регионе через воспитание своих детей-креолов, впоследствии составляющих значительную часть населения. В результате языкового и культурного взаимовлияния аборигенных жителей и промышленников на островах Прибылова, Кенайском полуострове, Алеутских островах, Кадьякском архипелаге и юго-востоке Аляски, возникли местные варианты русского языка [Бергельсон, Кибрик, 2018]. Благодаря деятельности православных священников, не только закрепивших православие в качестве сохранившейся даже в период американского владения Аляской части идентичности коренного населения, но и создававших условия для качественного образования местных жителей, появились поколения билингов, способные быть межкультурными и межязыковыми посредниками [Голомидова, Сабуров, 2016; Black, 1996].

С момента продажи Аляски в 1867 г. ситуация в регионе заметно поменялась. Начало приобретать большее влияние англоязычное сообщество; частота и интенсивность контактов с ним значительно увеличились, в особенности в период золотой лихорадки, сподвигнувший многих белых американцев разных социальных статусов перебраться на территорию Аляски. Более того, с постепенным развитием рыбной промышленности в регион прибыло большое количество специалистов из скандинавских стран, для которых английский был неродным языком. Следовательно, данный фактор также оказал влияние на формирование аляскинской разновидности английского и наделил ее некоторыми особыми характеристиками [Ringsmuth, 2007]. Неоднородность групп переселенцев, владеющих различными социолектами и диалектами, также отразилась на специфичности аляскинского английского (Разумовский, 2015). Следует отметить, что с началом доминирования белых англоязычных сообществ получила развитие всеобщая «американизация» местного населения и борь-

ба с уже сложившейся самобытной культурой и коренными языками. Согласно курсу, выбранному пресвитерианским миссионером и первым уполномоченным Бюро по образованию на Аляске Шелдоном Джексонем, данный процесс был связан с уходом от местных традиционных верований и православия, а также переход на строгое одноязычие во всех сферах общественной жизни. Однако, как утверждают Майкл Олекса и Нора Дауенхауэр, благодаря священникам-выходцам из коренных народов Аляски православие продолжало функционировать в небольших населенных пунктах [Dauehauer, 1997; Oleksa, 1992]. Католическими и протестантскими миссиями создавались школы-интернаты, в которых детей, при условии смены конфессии, обучали разным предметам, в том числе английскому языку; местные жители могли добровольно отправлять своих детей в эти учебные заведения для того, чтобы обеспечить им лучшие условия и возможности для дальнейшей жизни, кроме того, в этих школах учились и дети-сироты. При этом креольское население, до продажи Аляски имевшее особый статус компетентных и образованных межкультурных посредников, после продажи территории США подвергалось стигматизации из-за своего смешанного расового происхождения, находясь за границами тех или иных выделенных категорий жителей, и пренебрежительно именовалось «полукровками» (см.: (Vinkovetsky, 2010); [Black, 1990; Oleksa, 1990]). В частности, очень сложные отношения между коренной, креольской и «белой» (русской и т. д.) идентичностями складывались на острове Кадьяк [Pullar, 2013]. Однако необходимо пояснить, что процессы сегрегации, «американизации» и ассимиляции местного населения протекали на территории неравномерно по времени и интенсивности, что во многом объяснимо труднодоступностью некоторых населенных пунктов и другими факторами.

В вопросах новой одноязычной политики наибольшим изменениям подверглась система образования. В отличие от усилий русских миссий по повышению уровня грамотности населения не только в русском, но и в коренных языках, в американизированной системе даже эпизодическое использование местных средств коммуникации сурово порицалось, в том числе физическими наказаниями детей. В образова-

тельных учреждениях, нередко изолированных от возможного культурно-языкового влияния родителей, школьникам прививали чувство стыда за их образ жизни и культуру, ускоряя переход от привычных способов общения на английский и пробуждая в уже выросших детях желание перестать разговаривать со своими потомками на коренных языках, чтобы обеспечить им более комфортное вхождение в новые реалии жизни [Alton, 1998; Bergelson, 2019]. При этом учащиеся не в полной мере были способны формулировать свои мысли на английском, допускали неточности и в то же время смешивали коды. Этот факт в значительной степени повлиял на возникающую местную разновидность английского, которая со всеми имеющимися из-за этого особенностями начала передаваться из поколения в поколение и, закрепившись, стала важной частью семейной коммуникации [Григорьева, Бергельсон, 2024а]. Перемены в языковой политике региона, начавшиеся в 70-е гг. XX в. и связанные с запуском двуязычных школьных программ как меры по восстановлению полноценной идентичности, не оказали значительного влияния на стремительные темпы утраты коренных языков. Не возросла и компетентность местных жителей в английском, хотя данный результат предполагался создателями новых программ (см.: [Alton, 1998]; (Carruthers, 1970)). При этом аляскинский вариант английского языка продолжил быть основным средством общения внутри сообществ, хотя нельзя дать однозначного ответа на вопрос о воздействии данной смены курса на передачу этой разновидности английского молодым поколениям [Григорьева, Бергельсон, 2024б].

В современной системе образования на Аляске, в особенности среди молодых прогрессивных учителей, достаточно продолжительное время живущих в сообществах коренных жителей и не разделяющих прошлые методы преподавания, преобладает нейтральное отношение к сформировавшейся разновидности английского языка; признается, что она до сих пор является основным средством внутрисемейной коммуникации, в окружении которой протекает повседневная жизнь школьников. Однако необходимо отметить то, что, согласно работе Энн Джонс и Мэри-Клэр Тарлоу, школьные программы плохо адаптированы под нужды местных

учеников, и учителя утверждают, что трудности в переключении кодов (с аляскинского английского на стандарт) ухудшают успеваемость более половины детей и являются преградой для развития навыков чтения и письма, а также их будущей профессиональной реализации [Jones, Tarlow, 2013].

Аляскинский английский, несмотря на свою продолжительную историю, специфические условия возникновения и распространенность среди коренных сообществ, проживающих на территории штата, мало изучен, многие его характеристики и нюансы функционирования продолжают оставаться неопределенными. Более того, эта разновидность почти не представлена в перечнях региональных вариантов английского языка и редко упоминается в научной литературе, что делает ее изучение необходимым с точки зрения лингвистики в целом и отдельных направлений, в частности, например, социолингвистики [Григорьева, Бергельсон, 2024б]. Исследование аляскинского английского языка особенно актуально в условиях глобализации, способствующей увеличению числа языковых контактов и возникновению вариантов английского на пересечении этнических групп, функциональных и профессиональных доменов. Английский на Аляске демонстрирует ключевые особенности многофакторных процессов, происходящих при появлении и развитии новых контактных разновидностей языка в различных условиях.

Цель данной работы состоит в установлении характерных черт местного варианта английского языка. Для этого были поставлены следующие задачи:

- изучить языковую ситуацию в регионе в исторической перспективе для понимания механизмов формирования рассматриваемого идиома и его особенностей;
- определить и выделить особенности аляскинской разновидности английского языка, отличающимися феноменом от стандартного американского английского;
- рассмотреть влияние социолингвистических факторов на формирование той или иной черты;
- выявить специфику аляскинской разновидности английского языка в сравнении с другими региональными разновидностями.

Помимо этого, в дискуссионной части статьи высказываются идеи о возможных причинах сходства некоторых характеристик английского на Аляске с чертами других разновидностей английского языка.

Источником языкового материала послужил корпус, который состоит из аудиозаписей и транскриптов 73 интервью на аляскинском английском, взятых несколькими группами ученых у разных поколений представителей этнических общностей региона (подробно об этом см. в разделе «Материал и методология»). Информантами выступили индейцы-атабаски из поселения Николай, где основным языком изначально был верхнекускокувимский, и креольское население Кадьякского архипелага, где преобладающим языком был аляскинский русский. Отметим, что выбранные интервью с верхнекускокувимскими атабасками первоначально были проведены с целью изучения нарративных стратегий и описания социолингвистической ситуации и языкового сдвига в регионе, в то время как работа на архипелаге была посвящена сохранению культурного наследия и изучению истории русского языка на Аляске, в том числе внутрисемейной.

Материал и методология

Материалом для исследования послужил корпус аудиофайлов и транскриптов полуструктурированных интервью на английском языке, записанных в ходе проведенных в 2001, 2009 и 2019 гг. экспедиций на Аляску. Экспедиции были организованы и осуществлены Е.В. Головки (2009 г.), А.А. Кибриком, М.Б. Бергельсон и М.К. Раскладкиной. Расшифровки аудиозаписей интервью были созданы в едином формате студентами НИУ ВШЭ и Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ на основании инструкций и методологических указаний, разработанных участниками экспедиций (см.: (Кибрик, Бергельсон, Раскладкина, 2024)). Описанный корпус данных хранится на серверах Института языкознания РАН и Центра социокультурных и этноязыковых исследований НИУ ВШЭ.

Рассмотренные интервью содержат нарративы находящихся в фокусе исследования трех групп жителей, прошедших различные

пути освоения английского языка (см. о них: [Bergelson, 2019]).

Первая и вторая группы (18 респондентов) представляют собой два поколения индейцев-атабасков, живущих в находящемся в области верхнего течения реки Кукоквим поселении Николай. Представители старшего поколения (старейшины или elders), родившиеся в 20–30-х гг. прошлого столетия, являются единственным поколением билингвов в силу стремительности происходившего на их глазах и при их непосредственном участии языкового перехода в регионе, начавшегося в 1948 г. после открытия миссией школы. В раннем детстве они почти не сталкивались с английским языком, общаясь в семьях на верхнекукоквимском атабаском и придерживаясь местных занятий и уклада жизни. Эти информанты начали обучаться английскому языку в возрасте старших школьников или будучи уже взрослыми, однако в силу пережитого ими опыта приняли решение перейти на этот язык в общении со своими детьми.

Языковая ситуация в районе Верхнего Кукоквима изменилась позже по сравнению с другими районами Аляски прежде всего из-за изолированности территории, кочевого образа жизни атабасков и связанного с торговлей весьма ограниченного взаимодействия с белым англоязычным населением, значительной частью проживающем с 1920-х гг. в шахтерском поселке Макрат. В 1930-х гг. контакты с английским языком стали более регулярными благодаря развитию воздушного транспорта и возникновению в сельских районах англоязычных неаборигенных групп в поисках ресурсов и проводников из местного населения, однако и в этом случае общение не затрагивало жизни коренных народов на глубинном уровне, ограничиваясь лишь обменом материальными благами и информацией о территории [Григорьева, Бергельсон, 2024б; Collins, 2004]. Поэтому можно утверждать, что появление школы в конце 1940-х гг. действительно стало поворотным моментом, решившим судьбу местного языка и запустившим процессы формирования и закрепления специфической разновидности английского (см.: (Rodli, 1963); [Иванова, 2017; Hickey, 2010]). Для следующего рассматриваемого поколения атабасков, рожденных в 1960-е гг.,

в подавляющем большинстве случаев аляскинский английский с детства был основным средством коммуникации, а часто даже первым и единственным, так как не все информанты сталкивались с коренным языком в раннем возрасте.

Третья группа (21 респондент) – креолы Кадьякского архипелага, рожденные в смешанных браках между представительницами аляскинского населения и русскими переселенцами; среди родственников информантов также есть представители скандинавских народов. Родным языком и основным средством коммуникации креолов до начала языкового сдвига был аляскинский русский. В ряде случаев в семьях сохранялось и знание аляскинского языка, несмотря на то, что он считался менее престижным. Уже в начальной школе информанты сталкивались с английским; некоторые из них слышали в разговорах взрослых смесь английского и русского. В отличие от респондентов первой группы (верхнекукоквимских атабасков), респонденты, входящие в данную группу, на регулярной основе познакомилась с английским в более ранний период своей жизни в силу историко-культурных различий и более раннего начала централизованного обучения на английском в школах, что в свою очередь, связано с более высокой территориальной доступностью региона. Помимо этого, большую роль играл социально-экономический фактор, так как после приобретения территории США Кадьяк на долгое время стал одним из главных центров рыбной промышленности региона, особенно активно развивавшейся там в начале XX в. [Науcox, 2002; Ringsmuth, 2007].

В интервью язык представал в более спонтанном и естественном виде и служил не собственно объектом анализа, а языком взаимодействия ученых с информантами, что несет в себе ряд преимуществ для нашего исследования. Всего проанализировано 73 интервью, из которых 26 транскриптов содержат рассказы верхнекукоквимских атабасков, 47 – нарративы жителей Кадьякского архипелага.

Методология исследования включает сопоставительный анализ фрагментов текстов, взятых из интервью с информантами вышеупомянутых групп и представляющих собой лингвистические биографии и другие виды narra-

тивов о жизни. В отношении правил стандартного английского и расхождений с ними анализ осуществлялся по следующим параметрам:

- морфосинтаксические характеристики, а также последовательность и полнота их употребления (правильная временная соотношенность событий, использование референциальных и квантифицирующих показателей и др.);

- присутствие особой лексики, а также лексическое обеспечение специфических целевых денотатов;

- лексическое разнообразие или обедненность отдельных семантических полей.

Сравнение осуществлялось по тем же параметрам в отношении разных групп информантов, а именно:

- информантов с субстратным атабаским языком (пос. Николай) и с субстратным аляскинским русским (Кадьякский архипелаг);

- старшего поколения (elders) и более младших поколений, усваивавших английский с самого детства как родной.

Более того, в исследовании на основании имеющихся материалов затрагивается вопрос о том, что могло в большей степени повлиять на формирование специфических характеристик аляскинского английского представителей упомянутых групп: неполное усвоение английского языка или черты родных языков.

Термин *Alaskan English* в контексте этого исследования не включает в себя английский, на котором говорят белые переселенцы с основной территории США (Lower 48), но который, безусловно, повлиял на английский аборигенного населения. В рамках статьи английский коренных жителей Аляски сопоставляется со стандартным английским языком, однако в контексте этого сравнения встает вопрос о том, как толкуется термин *стандартный английский*.

В мире существует достаточно большое количество вариантов английского языка [Smith, 1976; Kachru, 1986; Proshina, Nelson, 2020]. В локальных сообществах функционируют региональные разновидности английского, как правило возникающие как результат интерференции в местах контактирования этнических групп-носителей разных языков. С этим явлением тесно связана креолизация – формирование и закрепление нового варианта путем вза-

имодействия и смешения особенностей языков различных контактирующих сообществ [Иванова, 2017; Hickey, 2010]. Изучением различных вариантов английского языка занимается контактная вариантология – направление лингвистики, в основе которого находится теория World Englishes (WE) [Kachru, 1961; Беляева, Потапова, 1961; Kachru, Smith, 1985; Kachru, 1986; Discourse Across Cultures..., 1987; World Englishes 2000, 1997; Proshina, Nelson, 2020]. Согласно Баджу Качру, все существующие современные варианты английского языка можно классифицировать следующим образом:

- варианты Внутреннего круга, обслуживающие основную часть функций в сообществе, являющиеся первыми или родными для значительной доли населения и предстающие в виде источника языковых норм для других разновидностей;

- варианты Внешнего круга, обычно выступающие в качестве вторых официальных языков и несущие потенциал для изменений и развития языковых норм;

- варианты Расширяющегося круга, используемые как универсальное средство общения в различных ситуациях межкультурной коммуникации и применяющие сочетания норм других языковых вариантов [Kachru, Smith 1985].

Хотя точное и единое определение стандартного английского дать не представляется возможным, чаще всего он характеризуется через призму общепринятых литературных норм в англоязычных странах [Thorne, 1997]. Идеи о том, что является стандартным английским и как он отличается от нестандартных вариантов, были изложены Питером Традгиллом и Джин Ханной. Согласно авторам, стандарт имеет ряд грамматических черт, выделяющих его среди других разновидностей.

1. В стандартном английском не существует границы между прошедшими формами глагола *to do* в значениях вспомогательного и основного глагола, в обоих случаях прошедшее время обозначается формой *did*. В отличие от стандарта, в других диалектах и социолектах языка эти формы часто различны (например, в случае основного глагола прошедшее время может передаваться формой *done*).

2. В стандартном английском отсутствует отрицательное согласование – явление, распространенное в многих других разновиднос-

тях и характеризующееся употреблением предикатного отрицания в предложениях с отрицательными местоимениями или наречиями. Его непосредственным выражением служат те случаи двойного отрицания, при которых в одном предложении для передачи отрицания (а не противоположного смысла, как в случае словосочетания *not impossible*) используется более одной его грамматической формы.

3. Возвратные местоимения в стандартном варианте английского в некоторых случаях имеют нерегулярные формы, базирующиеся на притяжательных местоимениях (например, *ourselves*); в остальных случаях они образуются от объектных местоимений (например, *themselves*). В нестандартных разновидностях от притяжательных местоимений могут образовываться все возвратные местоимения (например, *theirselves*).

4. Форма прошедшего времени неправильного глагола *to be* в стандарте различается в единственном и множественном числе, в то время как в других диалектах и социолектах одна форма (*was* или *were*) используется во всех случаях.

5. В отличие от стандартного английского, в других разновидностях нередко разделяются формы глаголов прошедшего времени и перфектные формы исключительно по наличию или отсутствию вспомогательного глагола *have*, при этом причастия прошедшего времени часто функционируют без него в значении Past Simple (например, *I seen*) [Trudgill, Hannah, 2008].

Следует отметить, что, поскольку Аляска является частью США, особенности местного английского целесообразно рассматривать относительно стандартного североамериканского английского, который, в свою очередь, обладает некоторыми характеристиками (помимо произношения и написания), не присущими, например, британскому стандарту. П. Традгилл выделяет некоторые различия североамериканского варианта от британского:

- часто встречающееся образование форм прошедшего времени некоторых неправильных глаголов по образцу правильных глаголов (например, *dreamed*) и наоборот (например, *gotten*);

- употребление предлогов с определенными глаголами;

- окончания некоторых производных слов (например, *candidature / candidacy*);

- исчисляемость и неисчисляемость определенных существительных, а также образование нулевого множественного числа там, где в британском английском употреблялось бы простое множественное;

- употреблении артиклей в некоторых случаях (например, *to be at a university*).

В исследовании применялись элементы контент-анализа, что позволило выявить совокупность наиболее значимых тем, представленных в интервью респондентов.

Нарративный анализ, позволяющий помимо тематической структуры определить специфику развития темы, вычленив ключевые события, их эмоциональную оценку, связность и отчасти беглость языка, использовался как инструмент для различения текстовой и стоящей за ней экспериенциальной реальности.

Данные методы были применены не только для оценивания результатов языкового сдвига, но и для описания особенностей формирования аляскинского английского у разных поколений жителей, а также сравнения условий усвоения английского языка, претерпевшего изменения в местных сообществах.

Результаты

В данном разделе характеризуются обнаруженные особенности аляскинского английского, а также приводятся примеры из речи информантов. В текстовых примерах полужирным шрифтом выделены фрагменты, являющиеся целевыми для анализа; паузы разной длины обозначены точками («.», «...»), а знаком «=>» обозначены обрывы слов или фраз. Каждый пример сопровождается указанием на принадлежность информанта к определенной группе и поколению («Н» – пос. Николай, «К» – пос. Кадьяк; «1» – старшее поколение, «2» – более молодое поколение). Отметим, что большинство примеров из интервью кадьякских креолов принадлежат именно старшему поколению в силу их большей репрезентативности, особенности в молодых группах выражены в меньшей степени.

Передача времени и аспектуальной характеристики действия

Одной из особенностей, замеченных в нарративах коренных жителей, является попере-

менное использование глаголов в формах прошедшего и настоящего времени (как правило в формах Past Simple / Continuous и Present Simple / Continuous) при повествовании об эпизодах из прошлого информантов, что иллюстрируют примеры (1) и (2). Часто глаголы в данных формах совмещаются в одном развернутом предложении. В случаях употребления глаголов в формах настоящего времени значение прошедшего времени в высказываниях можно установить лишь по окружающему контексту. Данное явление представляет собой именно неразличение форм глагола, а не целенаправленное употребление времени Present Historical в рассказах. В чередовании временных форм информантами как правило не прослеживается очевидной цели передать драматичность момента, и рассказ не похож на обобщенное краткое изложение событий. Более того, в использовании времен отсутствуют четкие закономерности. Также в нарративах могут чередоваться показатели времен Future Simple и Future in the past, например в (3).

(1) They **go** trapping and .. I **babysit** my little brother . baby brother ... Mom **have** a different line . and my dad **have** different line . just walk and smash it. (H1);

(2) It **was** a . black spruce .. it **jump** on that one . and **knock** out . then I **start** backing off . then it **jump** at me .. (H1);

(3) ...they **got** vans and we **will** go down to California... (H1).

Данная черта оказалась наиболее выражена у старшего поколения атабасков, что возможно объяснить несколькими факторами. Во-первых, в силу того, что языковой сдвиг в пос. Николае происходил быстрыми темпами, в речи местных жителей могут находить отражение следы неполного усвоения английского языка, обусловленные также и трудностью его освоения во взрослом возрасте. Во-вторых, нельзя отрицать потенциальное влияние коренного языка информантов – верхнекускоквимского – на выражение временных и аспектуальных характеристик. В атабаскских языках развита система видовых показателей. Будущее время выражается определенными комбинациями морфем (префиксов и т. д.), но формы прошедшего и настоящего времени глаголов заменяются видовыми показателями перфектива и импер-

фектива, окруженных сопутствующими контекстуальными маркерами (см. об этом: [Thompson, 1984]).

Приведенные примеры (1) и (2) показывают, что одна и та же форма глагола употребляется как в значении единственного, так и в значении множественного числа, что подробнее будет рассмотрено ниже.

В речи молодого поколения атабасков также встречается совмещение времен, причем вне зависимости от того, слышали ли информанты верхнекускоквимский язык в детстве или нет:

(4) It **was** kind of hard . but (um) I **get** through . so. (H2);

(5) We **spoke** it and **understand** it (H2);

(6) It **starts** at 6 o'clock in the mornings. cause I **was going** to school during that time. (H2).

Следовательно, можно сделать вывод, что те черты английского языка, которые возникли при языковом сдвиге у их родителей в силу неполного усвоения и/или интерференции с местным языком, закрепились и передаются из поколения в поколение.

Среди поделившихся рассказами креолов архипелага Кадьяк, несмотря на их более давнее, продолжительное и близкое знакомство с английским, тоже встретились случаи попеременного использования обозначенных времен в повествовании:

(7) Then they **go** back to Seattle after s= the cannery **was** that's only when they **did** fish then you know. Then they **started** to get into crab and all that stuff then they all **start** coming working in the canneries. (K1);

(8) Later on it **became** English when the (uh) new= newer priest **come** (K1).

В данной ситуации и местная разновидность аляскинского русского, и язык алютиков имеют грамматикализованное маркирование настоящего и прошедшего времен, поэтому можно сделать вывод, что неполное усвоение английского языка сыграло более значительную роль в появлении и закреплении паттерна [Bergelson, Kibrik, 2010; Reed et al., 1978].

Употребление never как маркера отрицания в прошедшем времени

В нарративах атабаскского населения пос. Николая, в особенности в рассказах стар-

шого поколения, представлены случаи специфического выражения отрицания в простом прошедшем времени:

(9) I **never think** anything about river might be danger . and eh .. (H1);

(10) I **never like** to go to church cause it was all in Russian. (K1).

Для построения отрицания многие информанты заменяют более распространенную конструкцию, включающую вспомогательный глагол *do* в форме прошедшего времени и отрицательную частицу (то есть, *did not*), наречием *never*, после которого также идет смысловой глагол в начальной форме. Данная черта не имеет очевидных корней в грамматике верхнекусоквимского языка и не является обязательной и типичной характеристикой креолизационных процессов в региональных вариантах английского языка, поэтому представляет определенный интерес. Тот же способ выражения отрицания в прошедшем времени был обнаружен и в речи представителей кадьякских креолов, однако в силу отличающихся условий усвоения английского эта особенность встречалась гораздо реже.

Показатели единственного и множественного числа

В транскриптах интервью информантов из всех этнических групп и поколений отмечены случаи специфического употребления показателей числа. В нарративах информантов из пос. Николай наблюдается употребление одной формы смысловых и вспомогательных глаголов вместе с существительными единственного и множественного числа, а также опускание окончания *-s* в исчисляемых существительных во множественном числе, что может нередко встречаться в креолизованных разновидностях благодаря процессам упрощения, подробнее описанным в части «Дискуссия» данной статьи.

(11) I would say change **spoil** people (H1);

(12) ...so . us **older kids has** to go . take turns in making fire at school (H1);

(13) There **was books** from Ray Collins and Betty. (H2).

В некоторых случаях наблюдается нетипичное явление гиперкоррекции: информанта-

ми к неправильным формам множественного числа существительных во избежание потенциальной ошибки добавляется дополнительный показатель, свойственный правильным формам – окончание *-s*:

(14) we were eighteen kids . eighteen **childrens**. (H1).

Такое «удваивание» показателей не свойственно упрощению, имеющему место при креолизации. Можно предположить, что гиперкоррекция связана с неполным усвоением английского языка.

Эта особенность проявляется и в рассказах жителей Кадьяка. Наиболее яркими и часто повторяющимися примерами могут послужить несоответствия между числом существительного или наречия и формой вспомогательного глагола (*is – are*).

(15) **We are member** of a= a native corporation (K1);

(16) **There's really many**== **there's** not really **many** (uh) fluent **native** (K1);

(17) There **was four priests** (K1).

Употребление определенных и неопределенных артиклей

В рассказах респондентов всех рассмотренных групп наблюдается тенденция к нестандартному употреблению артиклей. Например, неопределенный артикль *a* может использоваться вместе с неисчисляемым существительным. Помимо этого, в большом количестве случаев артикли перед существительными опускались:

(18) It **was framed** building with uh insulation. (H2);

(19) I didn't understand what they were reading in Russian and I was **altar boy** (K1);

(20) ...we just make **a dough**... (H1).

Данный факт может быть объяснен как неполным усвоением английского, так и особенностями коренных языков и аляскинского русского, в которых отсутствуют артикли или похожие на них языковые элементы, что могло вызывать затруднения у аборигенных жителей.

Употребление двойных отрицаний

В транскриптах интервью представителей старших поколений были зафиксированы случаи использования двойного отрицания в предложениях. Наиболее часто в рассказах встречались отрицательные формы вспомогательного глагола *do* в настоящем или простом прошедшем времени вместе с местоимением *nothing*, а также комбинации упомянутого *nothing* с местоимением *nobody*.

(21) I **don't want nothing**; You know they== they **don't know nothing** about Alaska (K1);

(22) they **didn't say nothing**. no they **didn't say nothing** (K1);

(23) **nobody** does **nothing no more** (K1).

Большое количество таких примеров найдено в рассказах жителей архипелага Кадьяк. Наряду с усвоением английского языка также возможно в качестве объяснения упомянуть то, что бывший *lingua franca* территории, аляскинский русский, допускает использование двойного отрицания в предложениях, следовательно, невозможно полностью исключить влияние распространенных в регионе до прихода англоязычного населения языков.

В примере (23) можно заметить, что имеет место даже не двойное, а тройное отрицание, выраженное наречием «no more».

Лексические особенности

Отличительной чертой аляскинского английского, отображенной в исследованных материалах, предстает специфическая для местности (непосредственно местах проживания коренных жителей Аляски и смежных территорий) лексика. Расселл Табберт использовал термин «аляскианизмы» («alaskianisms»), описывая данные лексические единицы, включающие в себя обозначения природных явлений, занятий, профессий, зданий, продуктов питания, транспортных средств и др., прежде всего заимствованных из русского и аборигенных языков. В транскриптах интервью из пос. Николая и в рассказах кадьякских креолов (Tabbert, 1991) представлены «аляскианизмы», в подавляющем большинстве случаев представлены именами существительными:

(24) **salmonberry pie** (K1);

(25) We have . a little **cache** uh ... It's like a little cabin up high ... off the ground... (H1);

(26) ...that's why everybody started into **dog mushing** (H2).

В нарративах жителей Кадьякского архипелага также присутствует значительное количество слов из аляскинского русского, что подчеркивает важность русского наследия на территории:

(27) I used to be a **starosta** and they used to come to the church and look at St. Herman's Relic. (K1);

(28) And then we go to **banya** with the women. (K1);

(29) The good food they have after it all. they got all kinda **p'iryg** (K1).

Дискуссия

В предыдущей части статьи были приведены основные черты для аляскинского английского. Однако актуальным остается вопрос об уникальности аляскинского идиома или реализации в нем универсальных паттернов в сравнении с другими региональными разновидностями английского, закрепившимися в поколениях и часто не связанными с рассматриваемым регионом исторически, культурно или территориально. Например, в афроамериканском английском, как и в английском жителей Карибского бассейна, представлены черты, схожие с характеристиками аляскинской разновидностью английского, появившиеся либо в силу неполного усвоения, либо при интерференции с языками-субстратами [Sand, 1999; Wolfram, Thomas, 2002; Green, 2002; Mallinson, Wolfram, 2002; Deuber, 2014]:

– отсутствие окончания *-ed* в прошедшем времени у правильных глаголов;

– опускание окончания *-s* в третьем лице;

– употребление *was* с подлежащим во множественном числе;

– двойное или тройное отрицание;

– употребление неисчисляемых существительных по образцу исчисляемых.

Рассмотренные социолингвистические данные (см.: раздел «Результаты») соотносятся с фундаментальной работой Питера Традгилла, содержащей основные положения об изменении языков и формировании регио-

нальных разновидностей в условиях языковых контактов (см.: [Trudgill, 2011]). В частности, в труде упоминается модель, с помощью которой возможно обосновать схожесть аляскинского английского с некоторыми другими региональными вариантами. В процессах, происходивших с региональными разновидностями английского языка, существенную роль играло упрощение (*simplification*), механизм которого описан Традгиллом, а также Мюлхауслером и Фергюсоном на основе изучения становления пиджинов и креолов. Согласно исследованию данных авторов, упрощение включает в себя следующие обязательные этапы:

– регуляризация нестандартных форм в языках (то есть неправильных глаголов, множественных форм и т. д.);

– устранение алломорфов, а также повышение уровня лексической и морфологической «прозрачности», с помощью которой становится легче установить связь между семантическими и грамматическими категориями и их выражением;

– устранение синтагматической и парадигматической избыточности (степень которой зависит от типов и интенсивности происходящих языковых процессов: языковых контактов, сдвигов и т. д.). В случае синтагматики исчезает повторение определенной информации многочисленными сигналами (например, выражение рода или множественного числа несколькими показателями). Устранение парадигматической избыточности влечет за собой постепенную утрату некоторых морфологически выражаемых грамматических категорий (например, рода) [Mühlhäusler, 1977; Ferguson, 1971; Trudgill, 2011].

Как правило, процессы упрощения происходят при стремительных языковых изменениях и в большей степени проявляются именно у индивидов, приступивших к изучению нового языка в менее «восприимчивом», взрослом возрасте, что приводит к неполному усвоению нового языка. Однако при более длительном контакте носителей разных языков, приводящем к становлению билингвизма, и начале процесса усвоения нового языка в детском возрасте со временем может возникать и процесс усложнения языка, находящий отражение в основном в лексическом аспекте [Trudgill, 2011].

Несмотря на общие черты и механизмы формирования аляскинского английского и других упомянутых разновидностей языка, обнаруженные особенности имеют нюансы, присущие только тому или иному идиому. Отметим, что английский коренных жителей Аляски характеризуется большей связью с наследием языков-субстратов, чем карибский и афроамериканский варианты, для которых не удалось доказать значимого влияния автохтонных языков. Благодаря более выраженному влиянию коренных языков и аляскинского русского на речь жителей, частично продемонстрированному в работе, черты аляскинского английского можно считать уникальными.

Заключение

Аляскинский английский – сложный феномен, сформировавшийся в результате соединения характеристик типологически различных языков-субстратов, социолектов и диалектов белых переселенцев разного происхождения, владеющих английским, русским и другими языками, а также характеристик, присущих сообществам с неполным усвоением английского языка. Результаты проведенного анализа речевого материала позволили выявить особенности аляскинской разновидности английского языка, однако однозначно установить причину возникновения многих черт данного идиома не представляется возможным. В некоторых случаях в качестве доминирующего фактора выступают нюансы усвоения английского языка, несмотря на то, что информанты проходили обучение при различных исторически обусловленных обстоятельствах. Помимо этого, наличие схожих с разнообразными идиомами черт подчеркивает важность сопоставления аляскинского английского с другими разновидностями английского языка как потенциального направления будущих исследований.

Дополнительно необходимо отметить, что работа охватывает значительный объем материала, однако в силу малоизученности явления также открывает широкие перспективы не только для поиска ответов на обозначенные вопросы, но и для дальнейшего сбора данных и их анализа по целому ряду направлений. В частности, представляется

целесообразным дальнейшее сопоставление различных процессов, происходивших в регионах проживания аборигенных народов Аляски, предположительно оказавших влияние на неоднородность их речи на аляскинском английском, а также сопоставления речи разных поколений местных жителей. В качестве дополнительного направления можно выделить анализ нарративов согласно теории вежливости, например, с точки зрения стра-

тегий дистанцирования и сближения, побудительных речевых актов, выражения мнения и оценки.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Т. М., Потапова И. А., 1961. Английский язык за пределами Англии. Ленинград : Учпедгиз. 152 с.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А., 2018. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 54. С. 29–41.
- Голомидова П. С., Сабуров А. А., 2016. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы // Арктика и Север. № 25. С. 61–77.
- Григорьева А. А., Бергельсон М. Б., 2024а. Аляскинский английский: этнические, культурные и поколенческие особенности // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 17 (5). С. 993–1004.
- Григорьева А. А., Бергельсон М. Б., 2024б. Аляскинский английский: контексты и условия формирования // Russian Journal of Linguistics. Т. 28, № 3. С. 680–705. DOI: 10.22363/2687-0088-37951
- Иванова А. М., 2017. Контактная вариантология как новая лингвистическая парадигма: некоторые актуальные вопросы преподавания английского языка в высшей школе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 4 (28). С. 72–78.
- Петров А. Ю., 2016. История и наследие Русской Америки: проблемы, направления, перспективы исследований // Новая и новейшая история. № 5. С. 177–182.
- Шейна И. М., Сидорина Е. И., 2020. Русские заимствования в языках коренных народов Аляски как отражение историко-культурного наследия Русской Америки // Вестник Томского государственного университета. № 457. С. 53–60. DOI: 10.17223/15617793/457/6
- Alton T. L., 1998. Federal Policy and Alaska Native Languages Since 1867. Fairbanks : University of Alaska. 391 p.
- Barnhardt C., 2001. A History of Schooling for Alaska Native People // Journal of American Indian Education. Vol. 40, № 1. P. 1–30.
- Bergelson M., 2019. Maintaining Tradition: Thematic and Structural Coherence in Personal Stories by Northern Athabaskans // Anthropological Linguistics. Vol. 61, № 2. P. 183–219.
- Bergelson M., Kibrik A., 2010. The Ninilchik Variety of Russian: Linguistic Heritage of Alaska // Slavica Helsingiensia. № 40. P. 320–335.
- Black L., 1990. Creoles in Russian America // Pacifica. Vol. 2, № 2. P. 142–155.
- Black L., 1996. Ivan Pan'kov architect of Aleut literacy // An Alaska Anthology: Interpreting the Past. Washington : University of Washington Press. P. 43–65.
- Burch E. S., Correll T.C., 1972. Alliance and Conflict: Inter-Regional Relations in North Alaska // Alliance in Eskimo Society. Proceedings of The American Ethnological Society. Supplement. Seattle : University of Washington Press. P. 17–39.
- Collins R. L., 2004. Dichinaneq' Hwt'ana: A History of the People of the Upper Kuskokwim Who Live in Nikolai and Telida, Alaska. McGrath : [s. n.]. 157 p.
- Dauenhauer R., 1997. Conflicting Visions in Alaskan Education. Fairbanks : University of Alaska. 48 p.
- Deuber D., 2014. English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad. Studies in English Language. New York : Cambridge University Press. 283 p.
- Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes, 1987 / ed. by L. E. Smith. London : Prentice Hall. 185 p.

- Ferguson Ch. A., 1971. Absence of Copula and the Notion of Simplicity: A Study of Normal Speech, Baby Talk, Foreigner Talk, and Pidgins // *Pidginisation and Creolisation of Languages*. Cambridge : Cambridge University Press. P. 141–150.
- Green L. J., 2002. *African American English: A Linguistic Introduction*. Cambridge : Cambridge University Press. 285 p.
- Handbook of North American Indians: Subarctic, 1981* / ed. by J. Helm. Washington : Smithsonian Institution. Vol. 6. 837 p.
- Haycox S. W., 2002. *Alaska: An American Colony*. Seattle : University of Washington Press. 440 p.
- Hickey R., 2010. *The Handbook of Language Contact*. Malden, Massachusetts : Wiley-Blackwell. 863 p.
- Jones A., Tarlow M. C., 2013. *Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes* // Conference: American Educational Research Association. San Francisco : [s. n.]. P. 1–20.
- Kachru B. B., 1961. *An Analysis of Some Features of Indian English: A Study of Linguistic Method*. Unpublished Doctoral Dissertation. Edinburgh : University of Edinburgh. 145 p.
- Kachru B. B., 1986. *The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes*. Oxford : Pergamon Press. 200 p.
- Kachru B. B., Smith L. E., 1985. Editorial // *World Englishes*. Vol. 4, iss. 2. P. 209–212.
- Mallinson C., Wolfram W., 2002. *Dialect Accommodation in a Bi-Ethnic Mountain Enclave Community: More Evidence on the Development of African American Vernacular English* // *Language in Society*. № 31. P. 743–775.
- McClellan C., 1964. *Culture Contacts in the Early Historic Period in Northwestern North America* // *Arctic & Anthropology*. Vol. 2, № 2. P. 3–15.
- Mühlhäusler P., 1977. *Pidginisation and Simplification of Language*. Canberra : Pacific Linguistics. 168 p.
- Oleksa M. J., 1990. *The Creoles and Their Contributions to the Development of Alaska* // *Russian America: The Forgotten Frontier*. Tacoma : Washington State Historical Society. P. 185–195.
- Oleksa M. J., 1992. *Orthodox Alaska: A Theology of Mission*. Crestwood : St. Vladimir's Seminary Press. 252 p.
- Oswalt W. H., 1963. *Mission of Change in Alaska: Eskimos and Moravians on the Kuskokwim*. San Marino : Henry Huntington Library. 170 p.
- Proshina Z. G., Nelson C. L., 2020. *Varieties of English and Kachru's Expanding Circle* // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24, iss. 3. P. 523–550.
- Pullar G., 2013. *The Legacy of the Russian-American Company and the Implication of the Alaska Native Claims Settlement Act in the Kodiak Island Area of Alaska* // *Ethnohistory*. Vol. 60, № 3. P. 403–417. DOI: 10.1215/00141801-2140695
- Reed I., Miyaoka O., Jacobson S. A., Paschal A., Krauss M. E., 1978. *Yupik Eskimo Grammar*. Fairbanks : University of Alaska. 351 p.
- Ringsmuth K. J., 2007. *Beyond the Moon Crater Myth: A New History of the Aniakchak Landscape: A Historic Resource Study for Aniakchak National Monument and Preserve*. [S. l. : s. n.]. 316 p.
- Sand A., 1999. *Linguistic Variation in Jamaica: A Corpus-Based Study of Radio and Newspaper Usage*. Tübingen : G. Narr. 197 p.
- Smith L. E., 1976. *English as an International Auxiliary Language* // *RELC Journal*. Vol. 7, № 2. P. 38–43.
- Thompson Ch., 1984. *Athabaskan Languages and the Schools: A Handbook for Teachers*. Juneau : Alaska Department of Education. 85 p.
- Thorne S., 1997. *Mastering Advanced English Language*. Basingstoke : Macmillan. 488 p.
- Trudgill P., 2011. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford : Oxford University Press. 236 p.
- Trudgill P., Hannah, J., 2008. *International English: A Guide to Varieties of English Around the World*. New York : Routledge. 163 p.
- Wolfram W., Thomas E.R., 2002. *The Development of African American English*. Oxford : Blackwell. 237 p.
- World Englishes 2000, 1997* / ed. by L. E. Smith, M. L. Forman. Honolulu : University of Hawaii Press. 255 p.
- Znamenski A., 1998. *Native Culture Through Orthodox Eyes: Russian Missionary Ioann Bortnovsky on the Dena'ina and Ahtna, 1896–1907* // *Alaska History*. № 13. P. 1–26.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Кибрик А. А., Бергельсон М. Б., Раскладкина М. К. Транскрибирование и социолингвистический анализ полевых и архивных данных (на материале аляскинского русского языка) : учеб.-метод. пособие для студентов-практикантов. Москва : Ин-т языкознания РАН, 2024. 65 с.
- Разумовский И. В. Уступка Россией Аляски США и закат Русской Америки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. № 2. С. 15–26.
- Carruthers J. B. Language Survey of Entering Primary Students (Rural Schools). Juneau : Alaska Department of Education Office of Planning & Research, 1970. 13 p.
- Jerabek C. L. Russian Impact on Cultural Identity and Heritage in the Middle Kuskokwim Region of Alaska : PhD Diss. Fairbanks, 2014. 303 p.
- Rodli A.. North of Heaven. A Teaching Ministry Among the Alaskan Indians. Chicago : Moody Press, 1963. 189 p.
- Tabbert R. Dictionary of Alaskan English. Juneau : Denali Press, 1991. 294 p.
- Vinkovetsky I. The Voyages Between Sitka and St. Petersburg and the Ethnic Policies of the Russian-American Company : Paper Presented at the Meeting of the 2010 International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, 2010. P. 89–97.

REFERENCES

- Beliayeva T.M., Potapova, I.A., 1961. *Angliyskiy yazyk za predelami Anglii* [English Beyond England]. Leningrad, Uchpedgiz Publ. 152 p.
- Bergelson M.B., Kibrik A.A., 2018. Russkiy yazyk na beregah zaliva Kuka: samoidentifikatsiya kultury v usloviyah izolyatsii [The Russian Language in the Cook Inlet Area: Self-Identification in the Situation of Cultural Isolation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 54, pp. 29-41.
- Golomidova P.S., Saburov A.A., 2016. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii korennykh narodov Alyaski: istoricheskiy obzor i sovremennyye problemy [State Policy Towards Indigenous Peoples of Alaska: Historical Review and Contemporary Issues]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], no. 25, pp. 61-77.
- Grigoryeva A.A., Bergelson M.B., 2024a. Alyaskinskiy angliyskiy: etnicheskiye, kulturnyye i pokolencheskiye osobennosti [Alaskan English: Regional, Generational, Ethnic and Cultural Peculiarities]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], no. 17 (5), pp. 993-1004.
- Grigoryeva A.A., Bergelson M.B., 2024b. Alyaskinskiy angliyskiy: konteksty i usloviya formirovaniya [Alaskan English: Contexts and Conditions of Emergence]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 28, no. 3, pp. 680-705. DOI: 10.22363/2687-0088-37951
- Ivanova A.M., 2017. Kontaktnaya variantologiya kak novaya lingvisticheskaya paradigma: nekotorye aktualnyye voprosy prepodavaniya angliyskogo yazyka v vysshey shkole [Contact Variation as a New Linguistic Paradigm: Some Current Issues in Teaching English in Higher Education]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Moscow City University Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], no. 4 (28), pp. 72-78.
- Petrov A.Yu., 2016. Istoriya i nasledie Russkoy Ameriki: problemy, napravleniya, perspektivy issledovaniy [Historical and Cultural Heritage of Russian America: Issues, Trajectories, Research Perspectives]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], no. 5, pp. 177-182.
- Sheina I.M., Sidorina E.I., 2020. Russkiye zaimstvovaniya v yazykakh korennykh narodov Alyaski kak otrazheniye istoriko-kulturnogo naslediya Russkoy Ameriki [Russian Borrowings in the Languages of Alaska Indigenous Peoples as a Manifestation of the Historical and Cultural Heritage of Russian America]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 457, pp. 53-60. DOI: 10.17223/15617793/457/6
- Alton T.L., 1998. *Federal Policy and Alaska Native Languages Since 1867*. Fairbanks, University of Alaska. 391 p.
- Barnhardt C., 2001. A History of Schooling for Alaska Native People. *Journal of American Indian Education*, vol. 40, no. 1, pp. 1-30.
- Bergelson M., 2019. Maintaining Tradition: Thematic and Structural Coherence in Personal Stories by Northern Athabaskans. *Anthropological Linguistics*, vol. 61, no. 2, pp. 183-219.

- Bergelson M., Kibrik A., 2010. The Niniichik Variety of Russian: Linguistic Heritage of Alaska. *Slavica Helsingiensia*, no. 40, pp. 320-335.
- Black L., 1990. Creoles in Russian America. *Pacifica*, vol. 2, no. 2, pp. 142-155.
- Black L., 1996. Ivan Pan'kov Architect of Aleut Literacy. *An Alaska Anthology: Interpreting the Past*. Washington, University of Washington Press, pp. 43-65.
- Burch E.S., Correll T.C., 1972. Alliance and Conflict: Inter-Regional Relations in North Alaska. *Alliance in Eskimo Society. Proceedings of The American Ethnological Society. Supplement*. Seattle, University of Washington Press, pp. 17-39.
- Collins R.L., 2004. *Dichinane' Hwt'ana: A History of the People of the Upper Kuskokwim Who Live in Nikolai and Telida, Alaska*. McGrath, s.n. 157 p.
- Dauenhauer R., 1997. *Conflicting Visions in Alaskan Education*. Fairbanks, University of Alaska. 48 p.
- Deuber D., 2014. *English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad. Studies in English Language*. New York, Cambridge University Press. 283 p.
- Smith L.E., ed., 1987. *Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes*. London, Prentice Hall. 185 p.
- Ferguson Ch.A., 1971. Absence of Copula and the Notion of Simplicity: A Study of Normal Speech, Baby Talk, Foreigner Talk, and Pidgins. *Pidginisation and Creolisation of Languages*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 141-150.
- Green L.J., 2002. *African American English: A Linguistic Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press. 285 p.
- Helm J., ed., 1981. *Handbook of North American Indians: Subarctic*. Washington, Smithsonian Institution. Vol. 6. 837 p.
- Haycox S.W., 2002. *Alaska: An American Colony*. Seattle, University of Washington Press. 440 p.
- Hickey R., 2010. *The Handbook of Language Contact*. Malden, Massachusetts, Wiley-Blackwell. 863 p.
- Jones A., Tarlow M. C., 2013. Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes. *Conference: American Educational Research Association*. San Francisco, s.n., pp. 1-20.
- Kachru B.B., 1961. *An Analysis of Some Features of Indian English: A Study of Linguistic Method. Unpublished Doctoral Dissertation*. Edinburgh, University of Edinburgh. 145 p.
- Kachru B.B., 1986. *The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes*. Oxford, Pergamon Press. 200 p.
- Kachru B.B., Smith, L.E., 1985. Editorial. *World Englishes*, vol. 4, iss. 2, pp. 209-212.
- Mallinson C., Wolfram W., 2002. Dialect Accommodation in a Bi-Ethnic Mountain Enclave Community: More Evidence on the Development of African American Vernacular English. *Language in Society*, no. 31, pp. 743-775.
- McClellan C., 1964. Culture Contacts in the Early Historic Period in Northwestern North America. *Arctic & Anthropology*, vol. 2, no. 2, pp. 3-15.
- Mühlhäusler P., 1977. *Pidginisation and Simplification of Language*. Canberra, Pacific Linguistics. 168 p.
- Oleksa M.J., 1990. The Creoles and Their Contributions to the Development of Alaska. *Russian America: The Forgotten Frontier*. Tacoma, Washington State Historical Society, pp. 185-195.
- Oleksa M.J., 1992. *Orthodox Alaska: A Theology of Mission*. Crestwood, St. Vladimir's Seminary Press. 252 p.
- Oswalt W.H., 1963. *Mission of Change in Alaska: Eskimos and Moravians on the Kuskokwim*. San Marino, Henry Huntington Library. 170 p.
- Proshina Z.G., Nelson C.L., 2020. Varieties of English and Kachru's Expanding Circle. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, iss. 3, pp. 523-550.
- Pullar G., 2013. The Legacy of the Russian-American Company and the Implication of the Alaska Native Claims Settlement Act in the Kodiak Island Area of Alaska. *Ethnohistory*, vol. 60, no. 3, pp. 403-417. DOI:10.1215/00141801-2140695
- Reed I., Miyaoka O., Jacobson S.A., Paschal A., Krauss M.E., 1978. *Yupik Eskimo Grammar*. Fairbanks, University of Alaska. 351 p.
- Ringsmuth K.J., 2007. *Beyond the Moon Crater Myth: A New History of the Aniakchak Landscape: A Historic Resource Study for Aniakchak National Monument and Preserve*. S.I., s.n. 316 p.

- Sand A., 1999. *Linguistic Variation in Jamaica: A Corpus-Based Study of Radio and Newspaper Usage*. Tübingen, G. Narr. 197 p.
- Smith L.E., 1976. English as an International Auxiliary Language. *RELC Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 38-43.
- Thompson Ch., 1984. *Athabaskan Languages and the Schools. A Handbook for Teachers*. Juneau, Alaska Department of Education. 85p.
- Thorne S., 1997. *Mastering Advanced English Language*. Basingstoke, Macmillan. 488 p.
- Trudgill P., 2011. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford, Oxford University Press. 236 p.
- Trudgill P., Hannah J., 2008. *International English: A Guide to Varieties of English Around the World*. New York, Routledge. 163 p.
- Wolfram W., Thomas E.R., 2002. *The Development of African American English*. Oxford, Blackwell. 237 p.
- Smith L.E., Forman M.L., eds., 1997. *World Englishes 2000*. Honolulu, University of Hawaii Press. 255 p.
- Znamenski A., 1998. Native Culture Through Orthodox Eyes: Russian Missionary Ioann Bortnovsky on the Dena'ina and Ahtna, 1896–1907. *Alaska History*, no. 13, pp. 1-26.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kibrik A.A., Bergelson M.B., Raskladkina M.K. *Transkribovaniye i sotsiolingvisticheskiy analiz polevyh i arkhivnyh dannyh (na materiale alyaskinskogo russkogo yazyka): ucheb.-metod. posobie dlya studentov-praktikantov* [Transcription and Sociolinguistic Analysis of Field and Archival Data (The Case of Alaskan Russian). Teaching Manual for Student Interns]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, 2024. 65 p.
- Razumovskiy I.V. Ustupka Rossiiy Alyaski SShA i zakat Russkoy Ameriki [Russia's Concession of Alaska to the United States and the Decline of Russian America]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kulturny, smysly* [Lokus: People, Society, Cultures, Meanings], 2015, no. 2, pp. 15-26.
- Carruthers J.B. *Language Survey of Entering Primary Students (Rural Schools)*. Juneau, Alaska Department of Education Office of Planning & Research, 1970. 13 p.
- Jerabek C.L. *Russian Impact on Cultural Identity and Heritage in the Middle Kuskokwim Region of Alaska: PhD Diss.* Fairbanks, 2014. 303 p.
- Rodli A. *North of Heaven. A Teaching Ministry Among the Alaskan Indians*. Chicago, Moody Press, 1963. 189 p.
- Tabbert R. *Dictionary of Alaskan English*. Juneau, Denali Press, 1991. 294 p.
- Vinkovetsky I. *The Voyages Between Sitka and St. Petersburg and the Ethnic Policies of the Russian-American Company. Paper Presented at the Meeting of the 2010 International Conference on Russian America*. Sitka, Alaska, 2010, pp. 89-97.

Information About the Author

Anastasia A. Vsevolzhskaya, Postgraduate Student, HSE Doctoral School of Philology, Researcher, Centre of Sociocultural and Ethnolinguistic Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, aagrigoreva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3083-4079>

Информация об авторе

Анастасия Александровна Всеволожская, аспирант Аспирантской школы по филологическим наукам, сотрудник Центра социокультурных и этнолингвистических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, aagrigoreva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3083-4079>